

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ХОЗЯЙСТВА ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.): ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ И АДАПТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Статья посвящена выявлению экономического состояния крестьянских хозяйств черноземного центра Европейской России в переселенческом процессе. На основании статистических данных представлены материальные возможности мигрантов и оценены перспективы адаптации в местах водворения. Установлены сопутствующие факторы, определившие продуктивность обустройства переселенцев в регионе. Констатируется, что экономические стереотипы поведения мигрантов, проявившиеся во внедрении традиционных подходов к организации земледельческих практик, существенно лимитировали процесс развития переселенческих хозяйств в Сибири.

Ключевые слова: аграрная колонизация; переселенцы; старожилы; крестьянское хозяйство; правительственная политика.

В историко-экономической литературе второй половины XIX – начала XXI в. проблемы причин и последствий миграций земледельческого населения черноземного центра России на восточные окраины страны получили детальное и многоаспектное толкование в контексте изучения крестьянского хозяйства, специфики его развития в районах выхода переселенцев и объективных трансформаций в местах их водворения [1. С. 228–265]. Сложившаяся историографическая традиция вкупе с широким кругом источников делопроизводственного, законодательного и статистического характера открывает видимые перспективы продолжения исследования потенциальных возможностей переселенческих крестьянских хозяйств в условиях аграрной колонизации. Очевидно, что в последние десятилетия, в обстоятельствах набирающего силу историко-антропологического подхода, переселенческая тема постепенно освобождается от «позитивистских оков», к числу которых относилась традиционная регионализация миграционной проблематики. Сегодня для большинства исследователей очевидно, что крестьянские миграции осуществлялись в рамках единого колонизационного пространства, в котором результаты обустройства и, как следствие, достижение экономического успеха были связаны с условиями выхода переселенцев.

Принятие отдельным хозяйством или группой хозяйств решения о переселении можно рассматривать в качестве своеобразной увертюры к миграции на новые земли, ставящей перед крестьянским объединением ряд жизненно важных экономических задач. Переселение в сибирские губернии являлось для крестьянства ответственным актом, так как включало в себя несколько последовательных и трудоемких этапов: продажу всего или части имущества на родине; определение маршрута движения в места водворения и собственно переселение; поиск участка, зачисленного за переселенцем или переселенческой партией в Сибири; получение приписки и приемного приговора от общества старожилов; возведение жилых построек, приобретение хозяйственного инвентаря и имущества в районе обустройства.

Индикатором экономического потенциала переселенческих хозяйств в Сибири служат обобщенные данные о количестве средств, вырученных крестьянами от ликвидации имущества на родине, выраженные

в денежном эквиваленте. Выборочный опрос 12 908 семей переселенцев из Европейской России, прошедших в период с 1882 по 1892 г., показал, что суммами до 10 руб. располагали 7 734 семьи переселенцев (60% опрошенных); от 10 до 50 руб. – 3 286 семей (25,4%); от 50 до 100 руб. – 982 семьи (7,6%); от 100 до 300 руб. – 728 семей (5,6%); более 300 руб. – 174 семьи (1,4%) [2. С. 61]. Обследование в 1894 г. 5 291 переселенческой семьи на предмет материальной обеспеченности дало следующие результаты: суммами до 10 руб. обладали 1 372 семьи (25,9%); от 10 до 50 руб. – 1 037 семей (19,5%); от 50 до 100 руб. – 720 семей (13,6%); от 100 до 300 руб. – 1 492 семьи (28,1%); более 300 руб. – 670 семей (12,6%) [3. Л. 17].

Из 849 семей, опрошенных в 1906 г., суммы до 50 руб. приходились на 132 семьи (15,5%); от 50 до 100 руб. – на 207 семей (24,3%); от 100 до 300 руб. – на 385 семей (45,3%); свыше 300 руб. – на 125 семей (14,7%) [4. С. 18]. Денежное довольствие вышедших на переселение крестьян черноземных губерний России – Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской, в основных чертах можно проследить на примере движения мигрантов данной группы в Тюкалинский уезд Тобольской губернии.

За период с конца 1870-х до середины 1890-х гг. в Тюкалинском уезде Тобольской губернии водворилась 1 831 семья переселенцев из европейской части России и 1 505 семей – из четырех исследуемых губерний [5. С. 120, 184] (здесь и далее подсчет мой. – М.Ч.). Разделив предварительно всех переселенцев на 5 групп по времени водворения таким образом, что пятую группу составили переселенцы, пришедшие в уезд до 1882 г., четвертую – пришедшие в 1883–1885 гг., третью – в 1886–1888 гг., вторую – в 1889–1891 гг., первую – в 1892–1893 гг., получим следующую картину, иллюстрирующую материальный достаток устроенных на участке переселенцев в разные периоды. До 1882 г. в уезде водворилось 19 семей, из которых от 50 до 100 руб. имели 2 семьи (10,5%); от 100 до 250 руб. – 2 семьи (10,5%); свыше 250 руб. – 15 семей (78,9%); в период с 1883 по 1885 гг. обустроилось на землях Тюкалинского уезда 90 семей, из них средствами до 50 руб. располагала 1 семья (1,1%); от 50 до 100 руб. – 5 семей (5,5%); от 100 до 250 руб. – 31 семья (34,4%); свыше 250 руб. – 53 семьи (58,8%); из

переселившихся с 1886 по 1888 г. 669 семейств до 50 руб. имели 45 семей (6,7%); от 50 до 100 руб. – 78 семей (11,6%); от 100 до 250 руб. – 369 семей (55,1%); свыше 250 руб. – 177 семей (26,4%); из пришедших в 1889–1891 гг. 661 семья переселенцев до 50 руб. принесли с собой 105 семей (15,8%); от 50 до 100 руб. – 175 семей (26,4%); от 100 до 250 руб. – 317 семей (47,9%); более 250 руб. – 64 семьи (9,6%); из водворившихся в 1892–1893 гг. в уезде 392 семей – до 50 руб. было у 88 семей (22,4%); от 50 до 100 руб. – 150 семей (38,2%); от 100 до 250 руб. – 131 семья (33,4%); более 250 руб. – 23 семьи (5,8%) [5. С. 280–290].

Анализ данных материальной обеспеченности крестьянских хозяйств, решившихся на переселение, позволяет сделать ряд предварительных выводов. Во-первых, в отношении общей массы крестьян-мигрантов из Европейской России обнаруживается устойчивая тенденция к стабильному увеличению процентного состава категории переселенцев, располагавших суммами от 100 до 300 руб. Данная группа переселенцев, составлявшая в 1880-е – начале 1890-х гг. порядка 5,6% всех выселяющихся, выросла к началу XX столетия до 45,0% (по некоторым данным до 60,0%). Во-вторых, к разряду показательных следует отнести и сведения, демонстрирующие динамику движения малоимущих переселенцев, число которых в переселенческом потоке постоянно снижалось: 60,0% в 1882–1892 гг.; 25,9% в 1894 г.; 20,0% в 1900 г.; 15,5% в 1906 г. Наконец, в-третьих, практически неизменным оставался слой переселенцев среднеобеспеченных, достаток которых определялся средствами от 50 до 100 руб.: в 1882–1892 гг. – 25,4%; в 1894 г. – 19,5%; в 1900 г. – 25,1%; в 1906 г. – 24,3%.

Иная ситуация наблюдалась в среде выходцев из четырех исследуемых губерний во второй половине XIX – начале XX в. Изучение денежного достатка переселенцев Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской губерний, прошедших в этот период в Тюкалинский округ Тобольской губернии, показало, что общее количество крестьянских хозяйств, имеющих денежные средства, вырученные от продажи имущества на родине (до 250–300 руб.) в 1880-е гг. было значительно большим, чем по Европейской России в целом: 88,0 против 8,0%, однако число таких хозяйств динамично сокращалось и к 1892–1893 гг. составляло 39,2 к 40,7% по европейским губерниям. В свою очередь, процентный состав семей, вышедших на переселение в означенный уезд Тобольской губернии с мизерными средствами до 50 руб., от начала 1880-х к середине 1890-х гг., напротив, постоянно возрастал, составляя в 1883–1885 гг. 1,1% от общего потока; в 1886–1888 гг. – 6,7%; в 1889–1891 гг. – 15,8%; в 1892–1893 – 22,4%. Обращает на себя внимание высокий процент крестьянских хозяйств, выходцев из черноземных губерний, направлявшихся в Тюкалинский уезд и располагавших денежными средствами от 250 руб. и более. Таковых среди переселенцев, пришедших в уезд до 1882 г., насчитывалось 78,9% от общей массы. До 1886 г. переселенцы этой группы составляли решительное большинство среди мигрантов указанного направления – в среднем около 68,8%, но к 1893–1894 гг. число представителей данного слоя

крестьян сократилось до 5,8%, тогда как в общем по России выросло до 12,6%.

Приведенные данные являются косвенным подтверждением факта эскалации кризисных явлений в сельскохозяйственном секторе экономики черноземного центра России, интенсивно проявившегося с 1890-х гг. и отражавшегося на материальном достатке переселенцев. Подавляющее число переселенческих семей обладало в момент выхода от 50 до 250 руб., что лишь частично соответствовало предстоящим затратам на водворение и обустройство. По самым скромным расчетам, произведенным землеустроительной комиссией Острогжского уезда Воронежской губернии, крестьянам-переселенцам для обустройства в ближайших областях и губерниях Западной Сибири необходимо было иметь не менее 250 руб. [6. Л. 34]. В 1894 г. МВД выработало правила, по которым официальное разрешение на переселение можно было получить лишь при наличии 300–500 руб. [7. С. 7].

Представленные свидетельства, характеризующие степень денежного довольствия мигрантов, содержат изрядную долю объективной погрешности, поскольку касаются только законной части переселенческого элемента, подпадавшего под опросы. Между тем значительная масса переселенцев, направлявшихся во второй половине XIX – начале XX в. в губернии Сибири, следовала туда самовольно (44–45% из черноземной полосы с 1861 по 1906 г.), подвергалась поверхностному учету, не имела прав на льготный переселенческий тариф и до середины 1890-х гг. не могла рассчитывать на сколько-нибудь значительные правительственные вспомоществования. Обследование 3 000 семейств, водворившихся в Тобольской губернии с конца 1870-х до середины 1890-х гг., продемонстрировало, что из всей массы хозяйств региона 1 786 составляли пришедшие самовольно, без документов, по паспортам и увольнительным свидетельствам, соответственно, изначально располагали незначительными средствами и могли пополнить лишь малообеспеченную категорию переселенцев [5. С. 121].

Денежные средства, вырученные переселенцами на родине от продажи имущества, подвергались значительной коррекции в период следования переселенческих партий в различные местности сибирского региона. Успех адаптации крестьянских хозяйств в уездах Западной Сибири зависел не только от количества средств, но и от выбранных маршрутов передвижения, сезонных условий, оперативности чиновников в транзитных переселенческих пунктах, эпидемиологической обстановки в пути и т.д. Несмотря на позитивные изменения, произошедшие к концу XIX в. в деле доставки переселенцев в связи с постройкой Сибирской железной дороги, сроки и условия их перевозки зависели от численности переселенческого потока, а также организаторских усилий и способностей железнодорожной администрации. Многодневные задержки в пути, а также существование строгой очередности относительно времени выхода переселенцев из мест проживания, приводили к массовым опозданиям переселенцев к началу весенне-полевых работ. Обследование переселенческих хозяйств, прибывших

в различные губернии и области Сибири, произведенное в 1896 г. Г.А. Приймаком, дало показательные результаты. Из 1 805 семей курских переселенцев, пришедших в Сибирь в 1896 г., только 29 достигло Сибири в марте и апреле, 560 семей прибыло в мае, 975 – в июне, 241 семья – с июля по декабрь. Из 1 011 семей выходцев из Тамбовской губернии 117 семей водворилось в Сибири в период с января по апрель включительно, 506 семей пришло в мае, 176 – в июне, 212 семей – с июля по декабрь. Из 2 349 семей орловских переселенцев лишь 77 семей пришло в регион водворения с января по апрель, 1 071 семья – в мае, 863 – в июне, 318 семей – с июля по декабрь. Из 862 семей переселенцев Воронежской губернии 49 семей обосновалось в Сибири с января по апрель, 421 семья водворилась в мае, 216 – в июне, 206 семей – с июля по декабрь [8. С. 2–33]. Принимая во внимание, что начало посевных работ Сибири приходилось на 20-е числа апреля, выясняется, что лишь 272 переселенческих семьи (4,5%) успевали к стартовому периоду сельскохозяйственных работ. При этом следует иметь в виду, что водворившиеся в Сибири с сентября по февраль 1896 г. переселенцы в количестве 552 семей (9,1%) вообще пропускали сельскохозяйственные работы как по посеву яровых (20–23 апреля), так и озимых (с конца июня до 15 августа) культур, рассчитывая в межсезонье лишь на собственные сбережения [Там же. С. 2–33]. Таким образом, подавляющая масса переселенцев, оказавшись в Сибири, не успевала к началу полевых работ, а те, кто прибывал вовремя, в начальный период адаптации вряд ли могли рассчитывать на быстрый экономический успех, не имея достаточных средств и необходимого в сибирских условиях обеспечения рабочим скотом. Согласно выводам Г.А. Приймака, из всех прошедших в сибирские губернии и области переселенцев Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской губерний безлошадных и однолошадных хозяйств насчитывалось 4 025, что составляло 66,7% к общей массе [Там же. С. 25–33].

Путевые ссуды, на которые переселенцы могли рассчитывать после принятия закона 13 июля 1889 г., выплачивались нерегулярно и составляли незначительную прибавку к имеющимся у переселенцев средствам. Согласно циркуляру МВД, принятому в 1892 г. и предназначенному для внутреннего пользования, заимобразные пособия нуждающимся переселенцам во время пути мог выдавать чиновник особых поручений в размере от 20 до 30 руб. на семью, шедшую в Сибирь по проходному свидетельству [9. Л. 10 об.–11]. Сведения окружных крестьянских начальников о ходе переселенческого дела в Тобольской губернии создают представление об эпизодическом характере выдачи переселенцам путевых пособий. Так, из всех водворенных на 50 участках Колмаковской волости Тюкалинского округа переселенцев ссуды на проход к месту водворения в 1892 г. не получила ни одна семья; аналогичная ситуация сложилась в Сыропятской и Еланской волостях округа; переселенцы Баженовской волости (более 20 семей) в качестве путевого пособия получили лишь 345 рублей [Там же. Д. 156. Л. 40–75].

Исследование экономического потенциала переселенческих хозяйств центрально-черноземных губер-

ний показывает, что с точки зрения обеспечения денежными средствами контингент переселявшихся был неоднородным. Как видно из приведенных выше статистических данных, в среде мигрантов встречались и те, кто располагал мизерными (до 50 руб.) средствами, и «состоятельные» крестьяне, имевшие на хозяйство от 250 и более руб. На эту особенность неоднократно указывали исследователи. А.А. Кауфман, характеризуя материальный потенциал переселенческих хозяйств в местах водворения в Томской губернии, в частности 5 семей тамбовских и 4 семьи курских выходцев, приселившихся к поселку Михайловский Алчедамской волости, отмечал, что 3 семьи пришли на место без денег, 3 – имели от 30 до 60 руб., 3 – от 250 до 800 руб. [10. С. 4–5]. В отношении экономических возможностей представителей одной губернии в источниках можно встретить диаметрально противоположные свидетельства. По обследованию, произведенному чиновником по крестьянским делам А.А. Чарушиным поселка Листвянки Дмитриевской волости Маринского округа Томской губернии, осевшие там выходцы из Курской губернии «все очень бедны, обременены большими семьями, не имеют лошадей и земледельческих орудий... многие просят милостыню»; в то же время в соседнем поселке Курском, образованном переселенцами одноименной губернии в 1888–1889 гг., «курские переселенцы, за малым исключением, пришли на участок со своими деньгами, устроились и в настоящее время обладают продовольственными средствами вполне достаточными» [4. Д. 128. Л. 10–10 об.]. Тем не менее «хребет» переселенческого потока из центральных черноземных губерний составляли крестьяне, вышедшие из родных мест в пореформенное время со 100–250 руб.

Насколько сопоставимы были материальные возможности крестьян-переселенцев из черноземного центра страны с объективными требованиями к затратам на обустройство и организацию полноценных хозяйств в гетерогенных условиях сибирского региона? Предваряя ответ на этот вопрос, необходимо отметить, что реализация задач обустройства осуществлялась переселенцами в условиях сосуществования и, следовательно, не только сотрудничества, но и экономического соперничества со старожилами Сибири, имевшими долговременный опыт хозяйствования в местных условиях. Различные варианты водворения переселенцев в регионе, к разряду которых относилось приселение к старожилам или образование автономных переселенческих поселков, накладывали определенный отпечаток на характер и темпы обустройства миграционного элемента в Сибири.

При обустройстве в старожильческих поселках, где значительная доля земельных угодий концентрировалась в руках местных крестьян, переселенцы часто попадали в экономическую зависимость к старожилам, что проявлялось в широко распространенной практике арендных отношений, вынужденном участии в промыслах, а также в батрачестве. По свидетельству А.А. Кауфмана, переселенцы центрально-черно-земной полосы России, водворенные в 1880-е – начале 1890-х гг. на участках Томской губернии, по причине маломощности своих хозяйств на начальной

стадии обустройства в регионе в массовом порядке работали по найму в хозяйствах старожилов. Например, в пос. Тарасовском Мариинского округа батрачили все переселенцы; в пос. Покровском из 60 зарегистрированных переселенческих хозяйств в работе по найму принимали участие более 50 семей; из 27 семей, водворенных в пос. Курском, батрачили представители 16 семей; из 57 переселенческих дворов пос. Нижне-Кубитетский 40 семей работали по найму [10. С. 77–116]. Не явились в этом отношении исключением и другие регионы Западной Сибири, где в массовом порядке обустривались переселенцы черноземной полосы: выходцы их Курской губернии, прибыв партии из 10 семей в пос. Бичелинский Вилкуловской волости Тобольской губернии, в течение всего первого года в полном составе ходили на поденщину или нанимались в батраки. Приобретая у старожилов бесценный опыт рационального хозяйствования в местных условиях, объективно переселенцы были вынуждены в обмен на этот опыт расставаться со значительной частью своих средств, уходящих на приобретение адаптированных к сибирским почвам земледельческих орудий труда, а также кредитование под большие проценты от старожилов. К числу неизбежных финансовых трат для данной категории переселенцев относилось и приобретение приемных приговоров у местного общества. По данным С.П. Швецова, изучавшего экономическое состояние переселенческих хозяйств Томского округа, стоимость приемного приговора колебалась от 2 руб. 50 коп. до 100 руб. на семью [11. С. 161].

Водворенные на отдельных участках, образовавшие самостоятельное общество переселенцы находились в более затруднительных условиях. Вероятность достижения экономического успеха в этой группе зависела от размера стартового капитала, с которым крестьянское хозяйство начинало производственную деятельность в регионе, и сопутствующих объективных обстоятельств: времени прибытия на участок, благоприятности рыночной конъюнктуры на хлебную продукцию и скот, адекватности конкретным условиям земледельческого инвентаря и т.д. Отсутствие опыта хозяйственной деятельности в сибирских условиях, а также источников его приобретения ставили переселенцев данной категории в тесную зависимость от случайных факторов, что не могло не сказываться на темпах их обустройства и адаптации в избранной местности.

По официальным данным, а также свидетельствам непосредственных участников переселенческого дела решающим фактором для успешного обустройства крестьян-мигрантов в местах водворения являлась их финансовая обеспеченность. В разнохарактерных природно-климатических условиях степной, лесостепной, подтаежной и таежной местностей необходимый для земледельческого хозяйства инвентарь и имущество стоили по-разному.

Учитывая, что подавляющее число переселенцев Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской губерний инстинктивно тянулись в ближайшие географические районы Западной Сибири, максимально сходные по естественным условиям с районами выхода, а в 90-е гг. XIX – начале XX в. – на расположен-

ные вдоль линии Сибирской железной дороги лесостепные и степные участки, то в среднем переселенческое хозяйство должно было располагать средствами до 400 руб. (против 100–250 руб., наличествующих фактически). На этом основании можно предполагать, что основная масса водворившегося на переселенческих участках и в старожильческих поселках крестьянства черноземной полосы России обзаводилась хозяйством спустя 3–4 года, а иногда и более лет после поселения в Сибири.

Земельный простор, индифферентность властей, слабо регламентирующих переселенческие потоки до строительства Сибирской железной дороги, предоставляли переселенцам широкие возможности выбора земельных участков в непосредственной близости к лесным массивам или в оптимальном отдалении от них.

В конце XIX – начале XX в., в связи с тем что наиболее удобные для заселения участки Западной Сибири были заполнены, кардинально изменился вектор колонизации. Правилами 1899 г. Кабинет закрыл для переселенцев Алтай. С 1896 г. вследствие «истощения запаса непосредственно пригодных для заселения и, следовательно, для обращения в переселенческие участки земель», а также в связи с ростом переселенческого движения в Сибирь, в Тобольской губернии началось обследование незаселенных пространств Тарского округа [12. С. 47]. С конца 1890-х гг. под переселенческие участки правительство начинает отводить земли, отмежеванные у инородцев Степного края [13. С. 91]. При сохранении стабильного переселенческого потока в Тобольскую губернию количество переселенцев в Томскую губернию уменьшилось с 75% в 1885–1893 гг. до 52% в 1894–1898 гг., что свидетельствовало об активном заселении степных районов, и в частности Акмолинской области, где переселенцы столкнулись не только с дефицитом питьевой воды, нехваткой сенокосных угодий, но и с недостатком лесных материалов для строительства. Данная проблема практически для всей Западной Сибири особенно остро встала после 1898 г., когда из пользования крестьян-старожилов интенсивно изымались излишки казенных земель.

Обеспеченность переселенцев средствами к моменту водворения на закрепленных участках определяла экономический потенциал крестьянских дворов в связи с такими параметрами, как наличие пашенных угодий, земледельческого инвентаря, рабочих лошадей, крупного рогатого скота.

Одним из определяющих экономических условий успешного переселенческого хозяйства являлось наделение крестьян в регионах Западной Сибири земельными угодьями. Основанием земельного устройства лиц крестьянского состояния в различных местностях Сибири считалась установленная еще в 1837 г. 15-десятичная норма душевого земельного надела, к реализации которой государство приступило в 1838 г. После отмены крепостного права, разрастания процесса малоземелья и углубления кризисных явлений в сельском хозяйстве черноземной полосы России, в стремлении крестьян на «вольные» азиатские земли именно размер надела являлся приоритетным требованием при принятии решения о переселении. С какими бы трудно-

стями не приходилось сталкиваться переселенцам в процессе обустройства на новых местах, большинство из них было склонно оценивать свое положение как благополучное главным образом по причине земельного простора. Вот лишь некоторые из суждений переселенцев, водворенных в различных поселках Каинского округа Томской губернии в 1888–1892 гг. по этому поводу: «Жить можно. Куда лучше российского, пашни и покосу вдоволь» (пос. Ново-Александровский); «Земли много... Хоть бы родным нашим так жить довелось» (пос. Воропаевский); «День и ночь надо бога молить за Государя Александра Александровича» (поселок Богословский) [3. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.]. Даже недовольство жизненными условиями на участке крестьянами-переселенцами озвучивалось в связи с могущим возникнуть в отдаленной перспективе земельным утеснением: «Что будет, когда земля выдержится, один Господь знает» [10. С. 65–97].

Степень удовлетворения крестьян земельным наделом находилась в тесной связи с составом переселенческой семьи, ее численностью и, в первоочередном порядке, с наличием достаточного числа рабочих рук. Опыты исследователей возрастного состава переселенческих семей, вышедших из черноземных областей России, производимые в конце XIX – начале XX в., однозначно указывали на то обстоятельство, что при дефиците годных работников крестьянские семьи, водворенные в различных местностях сибирского региона, были обременены большим количеством малолетних детей до 10 лет. С одной стороны, данный факт с учетом перспективы мог рассматриваться как явление позитивное, с другой стороны, крестьянские хозяйства нуждались в оптимальном количестве рабочих рук «здесь и сейчас». Дополнительной проблемой, усугублявшей и без того неблагоприятную ситуацию с количеством рабочих рук в переселенческом хозяйстве, для крестьянских семей становилось их дробление в ходе выдвижения на новые места: неокончательное урегулирование вопроса о ликвидации имущества на родине, необходимость завершения тех или иных хозяйственных работ обязывали часть рабочих сил семьи задерживаться в местах выхода, ставя тем самым под сомнение успех переселенческого хозяйства на начальном этапе обустройства в Сибири.

Нередко переселенцы становились заложниками собственного «земельного голода», в особенности в тех случаях, когда отмежеванный переселенческому обществу земельный надел не соответствовал реальному количеству крестьянских хозяйств, проживающих на данном участке. О неравномерности наделения крестьян земельными угодьями свидетельствует следующий факт: в д. Савиной Тобольского округа на 50 душ приходилось 133 десятины, в д. Горносуботино на 141 душу – 3 483 десятины. В Томской губернии средние наделы на душу в разных деревнях колебались от 5–6 до 33–41 десятины [14. С. 57]. В первые годы XX в. чиновники Томского губернского управления в переписке по переселенческому вопросу с местным губернатором обращали внимание последнего на частые вынужденные отказы крестьян от «лишней» земли: «В нередких случаях земли, отведенные

под переселенческие поселки, невысокого качества, но главным образом весьма трудны для разработки маломощной семьей переселенца, которая, уходя от малоземелья в России, встречается в Сибири с другой крайностью – с непосильной работой, потому что 15-десятинный надел становится для нее тяжким многоземельем... в то время как семья переселенца в большинстве случаев далеко многочисленное старожильской, причем соотношение годных работников к наличным душам менее благоприятно, вследствие чего никто из переселенцев не в состоянии использовать весь свой надел... реально обрабатывая не 15, а 5–6 десятин» [3. Ф. 3. Оп. 46. Д. 1119. Л. 6]. Подобный прецедент возник в начале 1890-х гг. в пос. Павловском Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии: на переселенческом участке было отмежевано земли на 59 душ, в то время как в действительности проживало только 38, т.е. новоселы пользовались землей на лишние 21 душу, выплачивая подати за несуществующих крестьян [10. С. 13], что отрицательным образом сказывалось на их благосостоянии. Переселенцы пос. Ново-Александровский Каинского округа той же губернии, выражая восторг по поводу изобилия пригодных для хлебопашества земель, одновременно жаловались на недостаток рабочих рук и свое будущее связывали с железнодорожным строительством, которое, по их словам, должно обеспечить их существование [Там же. С. 85].

Отметим и еще одно важное обстоятельство: в конце 1880–1890-х гг., в связи с нарастающим числом переселенческим потоком из черноземных губерний, активными работами по отграничению переселенческих участков и устройству переселенцев, центральные и региональные власти при отводе наделов крестьянам-мигрантам стали внимательнее относиться к их материальным возможностям по обработке того или иного количества земли. В письме к тобольскому губернатору товарищ министра внутренних дел А. Кривошеин сообщал: «В комитете министров был слушан внесенный по Высочайшему повелению всеподданнейший отчет за 1897 г. о состоянии Тобольской губернии. В отчете этом, против объяснения Вашего Превосходительства, что ныне, с урегулированием переселенческого движения и с усилением численного состава лиц, ведающих переселенческим делом, все заботы губернской администрации обращены на исследование экономического состояния переселенцев последних лет, – последовала Высочайшая Его Императорского Величества отметка: “Так и следует”...» [9. Ф. 3. Оп. 1. Д. 392. Л. 40–40 об.]. Таким образом, возможность для переселенческого хозяйства получить в пользование полноценный 15-десятинный надел зависела от ряда условий: мнения на этот счет властей, полагавших 15 десятин верхним пределом наделения, а также способности крестьянского двора приобрести оптимальное количество земледельческих орудий и рабочего скота, необходимых для обработки земельного участка.

При всей очевидной зависимости имущественного положения переселенцев от их материального достатка нельзя обойти вниманием тот факт, что некоторым малообеспеченным хозяйствам, имеющим количество

средств, неадекватное условиям водворения, все-таки удавалось с течением времени наладить свое хозяйство. Происходило это благодаря ссудным мероприятиям правительства, наиболее вездесуще критикуемым в специальной литературе, преимущественно советского периода историографии [15. С. 168–193]. Казенное и частное кредитование крестьян-переселенцев во второй половине XIX в. переживало серьезную эволюцию. Если до 1880-х гг. ссудная помощь носила спорадический характер, то в 1880–1890-х гг. число лиц, получивших ссуду, существенно расширилось. В Тобольской губернии для кредитования переселенцев ежегодно выделялось 9–14 тыс. руб. В Томской губернии в 1884–1893 гг. ежегодно казенные безвозвратные суммы получала 101 семья, в общей сложности на сумму в 209,6 руб., возвратные – 211 семей на 2 159 руб. [Там же. Л. 703]. Характерно, что ссуды на домообзаводство крестьянам, водворявшимся в различных местностях Сибири, центральные власти, а впоследствии крестьянские начальники выдавали с большим желанием, нежели путевые пособия. Как уже говорилось выше, переселенцам 1-го Тюкалинского участка Тобольской губернии, не получившим проходных ссуд в 1894–1895 гг., в тот же период были выданы пособия на домообзаводство от 100 до 150 руб. [9. Ф. 332. Оп. 1. Д. 159. Л. 40]. Значительно удалось поправить свое материальное положение и части переселенцев черноземных губерний России, водворившихся в исследуемых поселках Мариинского округа Томской губернии. Крестьяне пос. Павловский Боготольской волости, располагая незначительными средствами, устроились на участке благодаря денежному пособию, полученному в Тюмени (до 18 руб. на семью), и ссуде на домообзаводство, выданной по месту приписки. В разное время ссуды на обустройство получили и переселенцы других 9 поселков данной местности [10. С. 122–123]. Как следует из ведомости о материальном положении переселенцев по волостям Мариинского округа, предоставленной томским губернатором на имя управляющего Комитетом по строительству Сибирской железной дороги, в пос. Мало-Итатском все крестьянские дворы получили ссудную помощь; в пос. Дмитриевском и Ильинском пособие на обустройство было выдано более 50% водворенных там семей [3. Ф. 3. Оп. 46. Д. 504. Л. 15–17 об.]. По мнению переселенцев, устроившихся в Каинском округе Томской губернии, денежное и имущественное пособие, которое им было выдано на начальной стадии проживания в Сибири, позволило поставить хозяйство на ноги: «...только ссудами и поправились» [5. С. 415].

Одним из значимых факторов, влияющих на динамику и темпы обустройства и адаптации переселенцев из черноземного центра страны в пределах западносибирского региона, являлись трансформация этноэкономических стереотипов поведения мигрантов, выбор ими оптимальной модели хозяйствования на основе разумного сочетания традиционных для данной группы элементов производственной деятельности, освоенных в местах выхода, с особенностями земледелия в районах водворения. Оказавшись в непривычной географической среде и специфической

социальной обстановке, переселенческая производственно-хозяйственная организация проходила, как правило, через две последовательные стадии.

На первом этапе переселенцы использовали земледельческий опыт и традиции, приобретенные на родине, однако очень быстро приходили к выводу, что российские сохи и плуги не соответствуют требованиям, предъявляемым к орудиям труда в сибирском регионе: крестьяне Курской губернии, обустроившиеся в пос. Владимирском Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии, начав земледельческие работы российским инструментом, вскоре от него отказались, так как плуги не были приспособлены для первоначальной мелкой пахоты; по аналогичным причинам переход от российских сельскохозяйственных орудий к сибирским произошел и в ряде других поселков Мариинского округа, например, Ново-Троицком и Алексеевском [10. С. 87]. С подобными трудностями столкнулись в поселках Тюкалинского уезда Тобольской губернии и переселенцы из Орловской губернии. Водворившись в пос. Ливенском Крупянской волости, они были вынуждены после первого посева докупать хлеб ввиду того, что пользовались в этот год привезенными с собой сохами, которыми «не пропащешь, так как земля трава одолевает» [Там же. С. 135]. Переход к сибирской земледельческой технике у переселенцев из черноземной полосы России затруднялся еще и недостатком средств, необходимых для приобретения рациональных, с точки зрения местных условий, орудий труда. Тамбовские и курские переселенцы пос. Ново-Архангельский Любинской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии, говоря о быстрой акклиматизации к местным условиям и доступности для обработки сибирских почв, жаловались на дефицит средств, требуемых для покупки местного инвентаря и лошадей [Там же. С. 21]. Водворенные в пос. Тарасовском Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии переселенцы отмечали, что более половины крестьянских хозяйств пользуются российскими плугами и сохами, так как не в состоянии приобрести местный земледельческий инвентарь [Там же. С. 78].

Попытки переселенцев из черноземной полосы России внедрять в сибирских условиях сельскохозяйственные культуры, выращиваемые на родине, также не всегда оказывались успешными, а опыты по их разведению были чрезвычайно дорогостоящими для переживающего становление переселенческого хозяйства. Крестьяне-мигранты из Курской губернии, обосновавшись в пос. Знаменском Дмитриевской волости Мариинского округа Томской губернии, опираясь на привычную практику, пытались выращивать гречиху и просо, не приживающиеся в новых местах [17. Л. 87–88 об.]; переселенцы пос. Ильинский, выражая общее мнение, утверждали: «В Сибири один хлеб едим, в России садовина да овощи, а здесь ничего» [5. С. 182]; крестьяне пос. Покровский, отмечая выгодность своего положения в Сибири, советовали на отсутствии садов [18. С. 70]. Вместе с тем практически во всех округах Западной Сибири, где водворялись и обустроивались выходцы из Курской, Орловской, Тамбовской, Воронежской губерний, условия

для выращивания огородных растений были в целом благоприятными. Убедившись в бесплодности попыток разведения в Сибири арбузов, тыквы, кукурузы, фасоли, переселенцы переходили к местным огородным культурам: капусте, моркови и т.д. Главное затруднение в данной отрасли сельского хозяйства заключалось не в производстве огородных растений, а в их сбыте из-за отсутствия или отдаленности рынков. Из материалов «О собирании сведений по Томской губернии за 1865 год», в частности, следует, что Каинский и Барнаульский округа Томской губернии, из которых чаще всего доносились жалобы крестьян на невыгодность огородничества и отсутствие садовых культур, одновременно являлись и наиболее отстоящими от рынков сбыта [2. С. 66–67].

Преодолев начальные трудности адаптационного периода, значительная часть переселенческих дворов, сумевшая перевести свои хозяйства на сибирские рельсы, существенно увеличивала степень своей зажиточности. Происходило это вследствие целого ряда позитивно воздействующих на переселенческое хозяйство регулярных и ситуативных факторов: своевременного получения и рационального использования домообзаводственных пособий, благоприятного стечения природно-климатических обстоятельств, обусловивших высокие урожаи в течение нескольких лет, совместного проживания в поселках со старожилами или староселами – выходцами из родственных губерний, поселившимися в Сибири еще в дореформенное время, а также в 1860–1870-х гг. Наиболее быстро и эффективно проходило обустройство переселенцев из черноземных губерний в Ишимском, Тюкалинском округах Тобольской губернии, а также Каинском округе Томской губернии ввиду того обстоятельства, что переселенцы позднего времени попадали там в среду староселов, выселившихся в 1840–1850-х гг. из Воронежской, Курской, Тамбовской, Орловской губерний. Наглядной иллюстрацией такого «землячества» может послужить история пос. Матасы Теплодубровинской волости Ишимского округа Тобольской губернии: поселок был образован в 1840-е гг. однодворцами Курской губернии, в 1876 г. туда был выслан ходок от 200 душ из Дмитриевского уезда, который обустроился и письмами вызвал своих односельчан [19. С. 125–126]. По данным А.А. Кауфмана, средний размер посевной площади у переселенцев, проживших в Томской губернии от 3 до 5 лет, составлял порядка 8,0 десятин на двор; от 5 до 10 лет – 10,0 десятин; свыше 10 лет – 11,1 десятины; количество рабочих лошадей на одно хозяйство также динамично увеличивалось в зависимости от срока пребывания в Сибири – 3,1; 4,2; 5,7 голов соответственно [10. С. 12–26].

Сведения о материальном положении переселенцев Курской губернии, водворенных на казенных землях Марининского округа Томской губернии, за 1900 г. позволяют говорить о том, что по прошествии десяти лет практически во всех поселках процент дворов, ведущих самостоятельное хозяйство, либо составлял абсолютное число, либо приближался к нему. Тем самым подтверждается предположение исследователей о том, что переселенческое хозяйство пер-

вые 4–5 лет складывалось в «кредит», а через 10–13 лет могло достичь зажиточности выше средней, увеличивая капитал, принесенный с собой, более чем на 100%, о чем свидетельствует и динамика изменения имущественного положения мигрантов из центрального черноземья, составлявших в исследуемый период до 82% всего движения в Сибирь [12. С. 47].

Таким образом, обозначив фундаментальные условия обустройства крестьян-переселенцев из черноземных губерний России, можно констатировать, что потенциальные возможности переселенческого хозяйства определялись рядом сопутствующих факторов.

Во-первых, кризисные явления в сельскохозяйственной отрасли экономики центрально-черноземного региона России: прогрессирующее малоземелье, формирование обширного контингента безземельных и малообеспеченных крестьян, уже с конца 1880-х гг. отразились на общем ходе переселенческого процесса, его импульсивном характере, слабой внутренней организации и недостаточной материальной готовности мигрантов к быстрому формированию в условиях мест водворения самостоятельных, эффективно функционирующих хозяйств.

Во-вторых, крестьяне черноземных губерний России, составлявших «остов» переселения, оказали решающее влияние на складывание некой общей схемы экономического развития региона, проявившейся в абсолютном доминировании земледелия над остальными отраслями экономики, которые при ином стечении обстоятельств и ином контингенте переселенцев могли оказаться более прогрессивными в специфических условиях сибирского региона.

Уходя в России от «голодных» наделов, переселенцы черноземной полосы оказывались в Сибири в условиях лучшей земельной обеспеченности, что открывало перед ними широкие возможности для изменения своего экономического положения, улучшения качества жизни за счет личных и общинных трудовых усилий. И действительно, многим крестьянским хозяйствам удалось достичь в регионе водворения определенных экономических успехов. Под внешнее «очарование» крестьянскими достижениями в Сибири попали и некоторые исследователи. Так, К.Р. Качоровский писал: «Переселенцы спешат работать и в будни, и в праздники. Проработав 2–3 месяца, семья переселенца имеет возможность сбить достаточно денег, необходимых для покупки избы к зиме, а также до 3 лошадей» [2. С. 64]. Известный экономист профессор А.А. Исаев, восхищаясь успехами переселенцев в Сибири, именовал их *self-made-men* (людьми, самих себя создавшими) [20. С. 21]. В реальности успех водворения и адаптации крестьян черноземных губерний России в Сибири, принимая во внимание стабильно возрастающий процент обратных переселений и внутренних ремиграций, касался лишь части наиболее состоятельных переселенческих дворов, но и там носил горизонтальный характер.

В-третьих, постоянно возрастающее в переселенческом движении участие малоземельных и безземельных хозяйств способствовало перенесению «кризисного» экономического мировоззрения крестьян-

мигрантов из районов выхода в регион водворения. При этом на одной чаше весов находилась долговременная привычка земледельцев выжимать из земельного участка максимум возможного, после чего забрасывать его и включать в оборот целинные земли, пренебрегая способами по улучшению и рационализации землепользования, на другой – ограниченность материальных ресурсов, необходимых для организации рационального интенсивного хозяйства. В целом трансформация экономических стереотипов поведения переселенцев черноземного центра страны в Сибирь затрагивала лишь формальные аспекты производственной деятельности крестьян, реализуясь в практически повсеместном переходе к сибирской технике земледелия с использованием адаптивного земледельческого инвентаря. Оказавшись в Сибири, пе-

реселенцы легко воспринимали принципы землепользования крестьян-старожилов, которые определялись специалистами как «хищнические»; там же, где создавались самостоятельные переселенческие поселки, подобный вариант эксплуатации земель переселенцам подсказывал их «крестьянский инстинкт».

Вследствие указанных факторов превращение переселенческого хозяйства в Сибирь в полноценно действующий, стабильный производственный организм растягивалось во времени: большинству переселенцев необходимо было преодолеть экономическую зависимость от старожила, богатого соседа-ростовщика, государства, «вырастить» соответствующее размеру земельного надела число годных работников, что, в свою очередь, увеличивало сроки адаптации, требовало колоссальных энергетических, производственных и финансовых затрат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуркин М.К. Крестьянские переселения в Сибирь в историко-экономической и культурно-антропологической традициях отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории : коллективная монография / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. С. 228–265. Ч. 10.
2. Качоровский К.Р. Крестьянское хозяйство и переселения // Русская мысль. 1894. № 6. С. 58–67.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 428.
4. Переселенческое движение в 1907 году // Вопросы колонизации. 1907. № 3. С. 1–48.
5. Материалы для изучения быта переселенцев водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х по 1893 г.). М., 1897. Т. 2.
6. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 7227.
7. Белевский А.А. К переселенческому вопросу // Русское богатство. 1904. № 8. С. 1–14.
8. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М. : Печатня С.П. Яковлева, 1894–1907.
9. Главное управление Тюменской области Государственный архив г. Тобольска (ГУТО ГАТ). Ф. 332. Оп. 1. Д. 153.
10. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб. : Тип. В. Безобразова и К., 1896. Т. 2, ч. 1.
11. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе : в 2 т. Барнаул : Типо-лит. при Глав. упр. Алтайского округа, 1899–1900. Т. 2, ч. 1.
12. Пронин В.И. Влияние переселений крестьян на развитие рынка Сибири в пореформенный период // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : НГПИ, 1991. С. 46–53.
13. Статистическое обозрение Тобольской губернии за 1897 год. Тобольск : Изд-во Тобол. губ. стат. ком., 1898.
14. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма // отв. ред. Л.М. Горюшкин : в 5 т. Новосибирск : Наука, 1983. Т. 3.
15. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 311 с.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5116.
17. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7011.
18. Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае: (статистико-экономический сборник). Иркутск : Вост. обозрение, 1889.
19. Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд-во А.Ф. Девриена, 1908. С. 79–141.
20. Кравченко А.И. Исследование А.А. Исаевым крестьянских миграций // Социс. 1999. № 9. С. 13–21.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 января 2018 г.

RESETTLEMENT OF PEASANT HOUSEHOLDS OF THE CHERNOZEM CENTER IN WESTERN SIBERIA (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES): THE ECONOMIC SITUATION AND ADAPTIVE OPPORTUNITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 175–183.

DOI: 10.17223/15617793/429/22

Mikhail K. Churkin, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Keywords: agricultural colonization; settlers; old inhabitants; peasant household; government policy.

The economic opportunities of peasant resettlement farms of the Chernozem Center in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries are revealed in the article based on published and unpublished sources. The causes and factors of the inclusion of the peasantry of the Chernozem area in the resettlement movement, the financial opportunities of households that made the decision to resettle in the provinces and regions of Western Siberia are described. It was established during the investigation that the movement of peasants from European Russia to the Urals was carried out with the participation of governmental agencies at the central and regional levels, with varying degrees of success in correcting the resettlement movement. Two stages can be clearly traced in the course of the settlement of migrants in the region. At the first stage, settlers, using agricultural experience and traditions acquired in their homeland, quickly came to a conclusion that these practices in Siberia were not very productive. At the second stage, a significant part of resettled households, having overcome the initial difficulties of the adaptation period and having managed to adjust the farm to the Siberian realities, substantially increased the degree of prosperity. In the end, the economic condition of peasant households of settlers and, as a result, the adaptive opportunities of the settlers themselves in the new region were determined by a wide range of circumstances. It is obvious that peasants of the chernozem provinces of Russia, which constituted the “core” of the resettlement, had a decisive influence on the formation of a certain general scheme for the economic development of the region manifested in the absolute dominance of agriculture over the rest of the economy, which under different circumstances and other contingent

of settlers could be more progressive in the specific conditions of the Siberian region. The steadily growing participation in the resettlement of land-poor and landless households contributed to the preservation of the “crisis” of the economic outlook of peasant settlers, which was manifested in the region of the settlement in the almost universal transition to the Siberian farming techniques using adaptive agricultural implements. Peasant settlers settled in Siberia easily perceived the principles of land use of old inhabitants that experts defined as “predatory”. In places where independent settlement settlements were created, a similar variant of land exploitation to the migrants was prompted by their “peasant instinct”. As a result of these factors, the transformation of the resettlement economy in Siberia into a fully operating production body was stretched in time, which in turn increased the terms of adaptation, required enormous energy, industrial and financial costs.

REFERENCES

1. Churkin, M.K. (2015) Krest'yanskije pereseleniya v Sibir' v istoriko-ekonomicheskoy i kul'turno-antropologicheskoy traditsiyakh otechestvennoy istoriografii vtoroy poloviny XIX – nachala XXI v. [Peasant resettlements to Siberia in the historical, economic, cultural and anthropological traditions of Russian historiography of the second half of the 19th – beginning of the 21st centuries]. In: Solodkin, Ya.G. (ed.) *Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoy istorii* [Source-study and historiographical aspects of Siberian history]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.
2. Kachorovskiy, K.R. (1894) Krest'yanskoe khozyaystvo i pereseleniya [Peasant farming and resettlement]. *Russkaya mysl'*. 6. pp. 58–67.
3. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 44. File 428. (In Russian).
4. Voprosy kolonizatsii. (1907) Pereselencheskoe dvizhenie v 1907 godu [The resettlement movement in 1907]. *Voprosy kolonizatsii*. 3. pp. 1–48.
5. Anon. (1897) *Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev vodvorennykh v Tobol'skoy gubernii za 15 let (s kontsa 70-kh po 1893 g.)* [Materials for studying the life of settlers settled in Tobolsk Province for 15 years (from the late 1870s to 1893)]. Moscow: tip. O-va rasprostraneniya polez. kn.
6. State Archive of Voronezh Oblast (GAVO). Fund 20. List 1. File 7227. (In Russian).
7. Belevskiy, A.A. (1904) K pereselencheskomu voprosu [To the resettlement issue]. *Russkoe bogatstvo*. 8. pp. 1–14.
8. Anon. (1894–1907.) *Tsifrovoy material dlya izucheniya pereseleniy v Sibir'* [Figures for the study of resettlement to Siberia]. Moscow: Pechatnya S.P. Yakovleva,
9. The Main Directorate of Tyumen Oblast. State Archive of Tobolsk (GUTO GAT). Fund 332. List 1. File 153. (In Russian).
10. Kaufman, A.A. (1896) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii* [The economic situation of the settlers settled on the state lands of Tomsk Province]. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K.
11. Anon. (1899–1900) *Materialy po issledovaniyu krest'yanskogo i inorodcheskogo khozyaystva v Tomskom okruge: v 2 t.* [Materials on the study of peasant and foreign economy in the Tomsk region: in 2 vols]. Barnaul: Tipo-lit. pri Glav. upr. Altayskogo okruga.
12. Pronin, V.I. (1991) Vliyaniye pereseleniy krest'yan na razvitiye rynka Sibiri v poreformennyy period [Influence of migrations of peasants on development of the market of Siberia in the post-reform period]. In: Solov'eva, E.I. (ed.) *Vliyaniye pereseleniy na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sibiri v epokhu kapitalizma* [Influence of resettlement on social and economic development of Siberia in an epoch of capitalism]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute.
13. Tobolsk Province Statistics Committee. (1898) *Statisticheskoe obozrenie Tobol'skoy gubernii za 1897 god* [Statistical Review of Tobolsk Province for 1897]. Tobolsk: Izd-vo Tobol. gub. stat. kom.
14. Goryushkin, L.M. (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. In 5 vols. Novosibirsk: Nauka.
15. Ostrovskiy, I.V. (1991) *Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri perioda imperializma* [The agrarian policy of tsarism in Siberia during the period of imperialism]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 2. File 5116. (In Russian).
17. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 5. File 7011. (In Russian).
18. Chudnovskiy, S.L. (1889) *Pereselencheskoe delo na Altae: (statistiko-ekonomicheskii sbornik)* [Resettlement in the Altai: (a statistical-economic collection)]. Irkutsk: Vostochnoe obozrenie.
19. Kaufman, A.A. (1908) Zemel'nyy vopros i pereselenie [Land issue and resettlement]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir'. Ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia. Its current state and its needs]. St. Petersburg: Izd-vo A.F. Devriena.
20. Kravchenko, A.I. (1999) Issledovanie A.A. Isaevym krest'yanskikh migratsiy [A.A. Isaev's study of peasant migrations]. *Sotsis – Sociological Studies*. 9. pp. 13–21.

Received: 28 January 2018